

Отечество моё! Россия!
В тебе дух старины живёт.
И ни одна ещё стихия
Не победила твой народ.

Из тьмы веков ты восставала
И становилась всё сильнее.
Святая Русь – твоё начало,
И преподобный Сергей в ней.

«Один за всех» Повесть Л. Чарской

* **Выполнил Крылов
Максим, 8 класс**

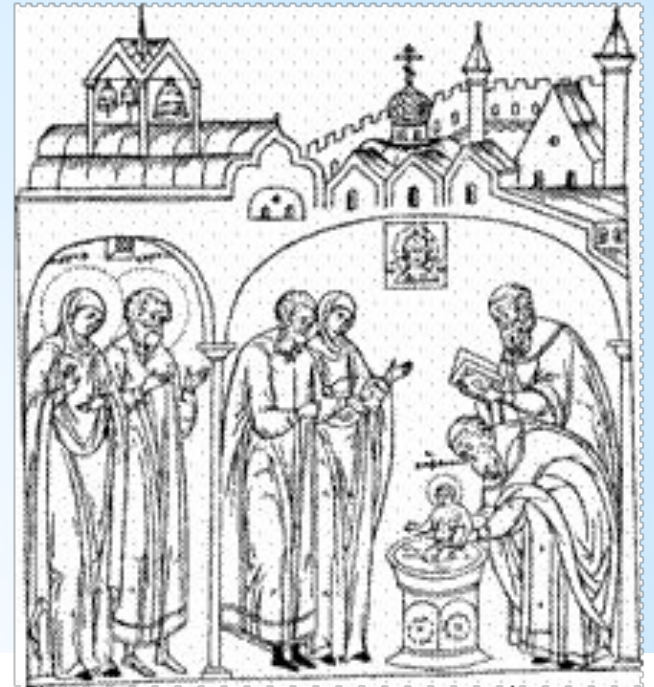
Учитель – Недодаева С. Б.

Цель

Познакомиться с житием Сергия Радонежского, на примере произведения Л. Чарской «Один за всех», выяснить, в чем особенность изображения преподобного Сергия Радонежского в повести.

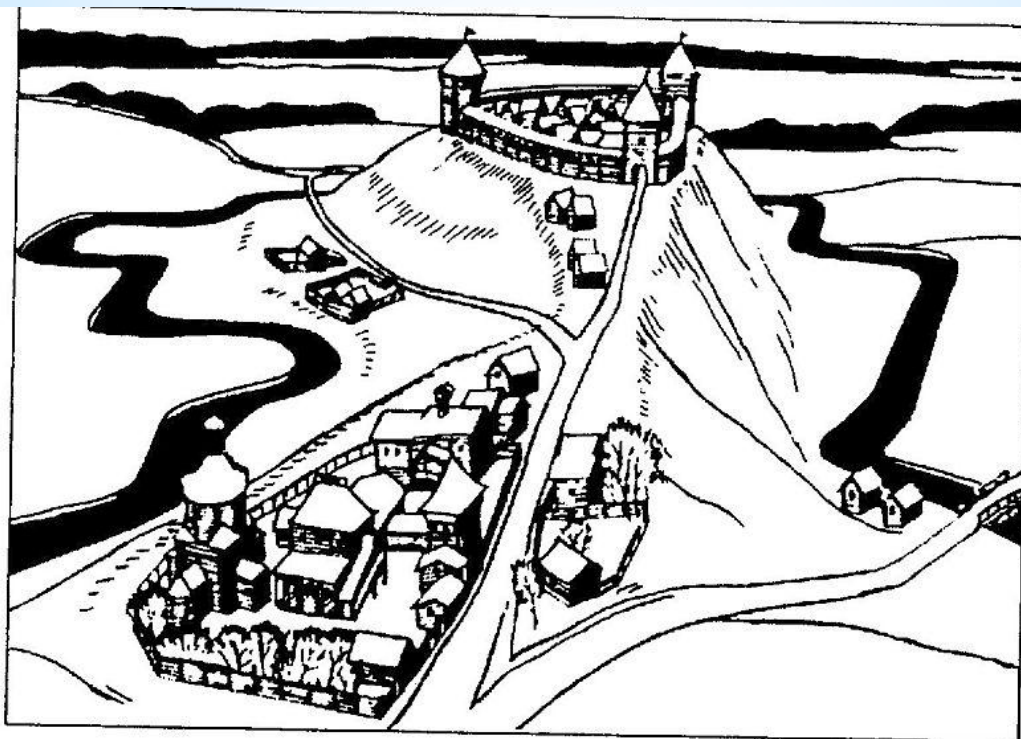

В четырех верстах от Ростова, славного города Ростова, отражавшего так отчаянно храбро набеги диких кочевников-татар и павшего под их бешеным натиском, небольшая усадьба, вся обласканная, вся согретая и принаряженная майским полднем. На высоком тыне играют солнечные блики, на белых крепко выложенных тесовых стенах хором, гридниц и пристроек мелькают световые пятна. Словно белоликие феи, бегают взапуски, прыгают и резвятся солнечные улыбки.

Священник, огласив младенца и прочтя над ним многие молитвы, с духовной радостью и со тщанием крестил его во имя Отца. и Сына, и Святого Духа и нарек во святом крещении Варфоломеем

И усадьба эта за зеленым тыном принадлежит боярину Кириллу, и высокий, стройненький с нахмуренным лицом черноглазый отрок его старший сын - Степан. Тут же в толпе детей и младший сын - Петруша, голубоглазенький, белокуренький с детским невинным личиком шестилетний шалунок.

Радонеж в XIV в. Реконструкция Г. В. Борисевича.

Мальчик Варфоломей
смотрит на едва зримый танец
былинок и пестрых цветов от
ласки ветерка, от зыби.
Мальчик он странный какой-
то и совсем особенный. Лежит
на земле, глаза широко
раскрыты. Синие волны
переливаются в этих глазах.
Золотая небесная звезда
загорается в них.

Дьячок Назарий вошел в избу. Вошли за ним и мальчики. Робко, стараясь не стучать, расселись, кто на скамье, кто на сидельце, крытом скромным половошником, кто прямо на полу, поджав ноги. У всех серьезные, чуть испуганные лица. Один Степа спокоен. Он - грамотей, гордость школы и учителя.

Поднялся Варфушка со скамьи. Побледнела золотистая от загара, нежная кожица на лице. Синие, как глубина озер, глаза вскинулись на раскрытую страницу книги.

О, какая тяжелая, толстая книга! Это псалтирь... Какие пестрые, непонятные строки, хитросплетенные строки с дивно неведомыми буквами...

Напрягает все умственные
силенки ребенок. Хватается,
как утопающий за соломинку,
за первую букву.

— Глаголь! — срывается
тихо, как стон, с
побледневших губок.

— Врешь! Рцы это!

Несмысленыш этакий! Доколе
тебе твердить? — гневно
кричит, потерявший всякое
терпение с ним, учитель. —
Становись на колени, протяни
руку.

Урок грамоты с
дьяком.

Покорно опускается на колени маленькая фигурка, протягивается розовою ладонью кверху загорелая рука.

— Раз!

Хлесткий удар плетки падает на розовую ладонь. Боль мгновенная, но острая, как обжог горячим.

— Два...

Новый удар.

— Три!

Еще... и еще!

Назарий всегда так наказывает нерадивых. Всех без исключения. Так уж заведено издавна. «Лоза не причинит вреда, а прибавит радения», — так твердили на Руси в старину, и учителя без «лозы» учить не умели и недоумевали, как без нее обойтись в ученье.

А потом была неожиданная встреча...

Незнакомец зашептал молитву. Зашептал за ним и Варфушка. Варфушка совсем особенно молиться умеет. Для Варфушки молитва — радость, неземной восторг, порыв вдохновения. Всем своим существом УХОДИТ ОН В МОЛИТВУ.

Тонкие пальцы пресвитера бережно вынули кусочек, поднесли к губам ошеломленного от неожиданности мальчика, положили в рот...

Сказал: «Возьми, съешь это, мальчик! Мала частица эта, но великую силу примешь с нею. В ней знамение Божие и благодать».

Видение отроку Варфоломею.
Картина М. С. Нестерова.

Что-то странное свершилось в тот же миг с мальчиком.
— Если веруешь, дитя, — сказал ему таинственный незнакомец, — еще больше узнаешь. Не грусти о грамоте. Знай, Господь Милосердный даст тебе книжное разумение более, чем всем товарищам твоим.
Благословил ребенка и замолк.

Старик идет быстро, как молодой, едва касаясь земли ногами. Будто невидимые крылья несут его. И в сотый раз рождается упорная мысль в головке Варфоломея: «Кто он? Кто он, этот странный, диковинный старик?»»

Пошел вперед старик. Высокий, статный, юношески легкий на ходу. Все за ним следом. Варфоломей, чуть отступя, первый, ближе всех к нему, с сияющим, одухотворенным радостью лицом. Весь говорит точно:

- Господи, что за доброго, светлого, ласкового гостя привело к нам!

– Прежде следует вкусить духовной пищи! Проведите меня в молельню. А ты, отрок, возьми псалтирь и прочти нам псалом 118 Давида Псалмопевца Господня. Ступай вперед!

Вздрогнул, смутился Варфушка. Почудилось в первую минуту, что не понял он старика.

Читать ему, Варфоломею, когда он едва, едва аз-буки-веди различать умеет? Ему читать псалом?

Ах, Господи Милостивый, стыд то какой великий!

А лицо пылает, как пламя, залитое румянцем стыда и испуга. Дрожит весь, как бедный маленький стебелек. Вдруг... Что это? О, Господи, Господи!

Потрясенные, затихшие стояли в молельне люди. Смотрели на незнакомца, на светлое лицо старца. Догадывались испуганные и радостно потрясенные за свою догадку, что не простой он пресвитер-старец, что не обыкновенный смертный умудрил разум Варфушки.

Прочел с того самого места, на которое указал ему пальцем дивный старик.

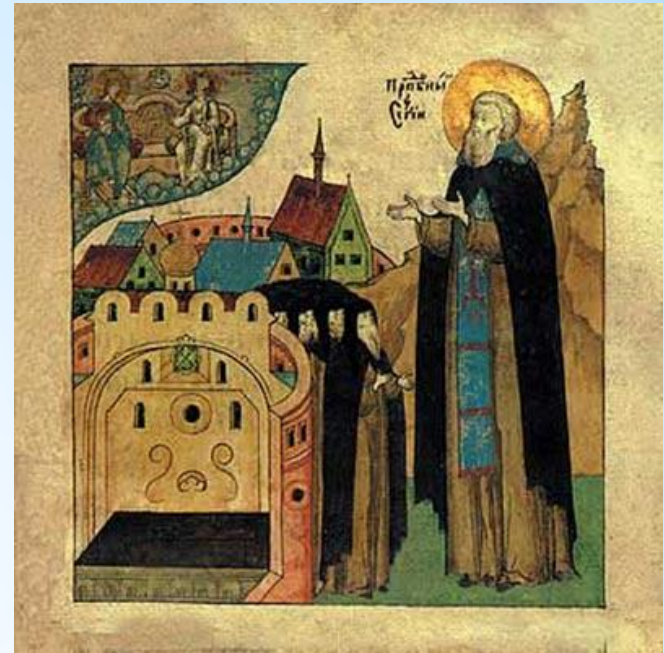
И дальше читал, словно лился по руслу хрустальным потоком

А гость спокойно, как и раньше, говорит, точно не замечая общего волнения:

— В трапезную идем! Побуду у вас еще малость...

Старик кончил трапезу, подозвал мальчика, снова гладит его по голове, по золотистым льняным кудрям, поднял глаза кверху, светлые, как бы прозрачные, молодые глаза. В них отражалось небо. И сияние солнца было в них. Встал, вытянулся во весь свой высокий рост, протянул вперед свободную руку и сказал, не спуская другой руки с головы мальчика, вдохновенно и властно:

- Отрок этот будет некогда обителью Пресвятой Троицы; многих приведет за собою к уразумению Божественных заповедей. Знайте, что велик будет сын ваш перед Богом и людьми!

Житие святого Сергия Радонежского первоначально составлено Епифанием

Шел впереди старик. Остальные за ним толпою. Вдруг... Остановились, как вкопанные... Низко, низко над землею пронеслось не то облако, не то туман. Набежало, затемнило взоры. Потом рассеялось, легкое, воздушное...

Оглянулись... Где чудесный старик? Не было его... исчез. Исчез, как сон, как видение. На том месте, где стоял он — одна пустота.

— Ангел Господень! — в смятении и счастья прошептала Мария, — Сам Ангел Господень благословил Варфушку, — и, рыдая, обвила руками кудрявую головку сына.

Варфушка молится. Варфушка не тот уже, что раньше. Вырос, поднялся, стал сильный, гибкий, стройненький, как молодой тополек. Исчезли нежная округлость щек и румянец, Побледнел, хоть и здоров. Загорелая смуглость золотистым налетом красит лицо, а глаза синие ушли в себя, во внутрь души и в них таится новая замкнутая мысль.

Варфушка на молитве.

Чудный, таинственный гость-пресвитер говорил то же. Великую будущность, сынушка, предсказал он тебе... Так нешто мы можем мешать тебе с отцом... На тебе — тайна Божия. Ты избранный Заступником Самим. Дитяtko! Господь с тобою! Молись, как знаешь, не изнуряй себя только. Рано тебе идти на подвиг, указанный Господом... Но ты позднее пойдешь на него... Ты — Варфоломей, родился в день Варфоломея, — сын радости значит имя это. И Божию радость откроешь людям ты, отмеченный Самим Небесным Творцом...

Ни кровинки не было в лице боярина Кирилла. Блуждали покрасневшие от усталости и душевного волнения глаза. Дрожал и рвался голос при всяком слове.

— Детушки, родимые мои! Пришло лихо, поспешать надо, собираться в дальний путь. Всем домом, всем скарбом... — трепетно ронял боярин.

На Радонеж путь держать будем.

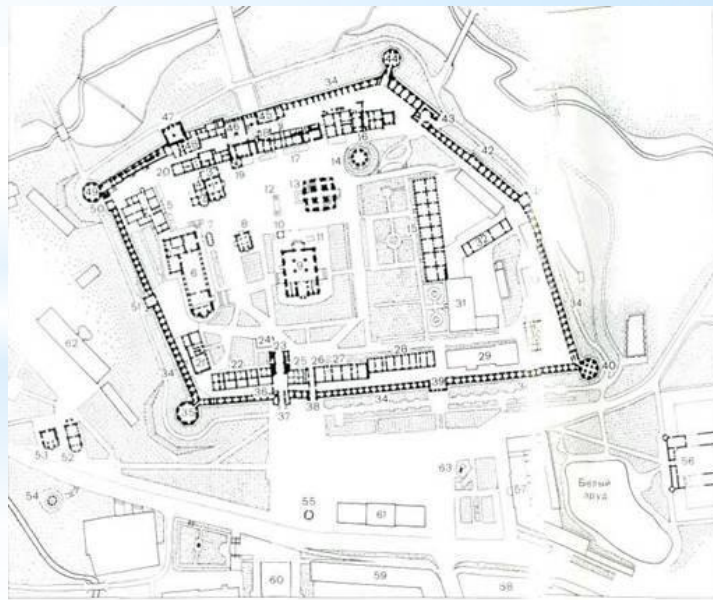

Отъезд боярина Кирилла в Радонеж.

Переселенцев здесь принимали охотно. Позволяли строиться, и многие жители от притеснений дани и оброков потянулись сюда.

Радонеж — скрытое гнездышко, затерянное среди лесов заповедных, в сердце пустыни российских непролазных дебрей того времени. Оно в двенадцати верстах от Москвы, в стороне от московской дороги. Подалее в сторону находится соединенный мужеско-женский монастырь. Хотькова обитель — два отделения — для старцев и стариц.

Боярин Кирилл со Степаном пошли отпрашивать себе угодыя для избы у наместника. Пришли скоро с людьми боярина Ртища, Отвели им место для угодыя. Свезли туда колымагу, перетащили скарб. В то же утро стали строиться.

Троице-Сергиева лавра. План. Здания в монастыре

До пота лица работали над
стройкой избы. Варфушка всех
усерднее, всех бойчее. Горели руки
от усталости, от восторга горели синие
очи. Был праздник душе
Варфоломея. Он ненасытно
трудился. То, к чему рвалась душа,
свершалось с горячностью, с
любовью, с пылом.

Труды Преподобного Сергия.
Картина М. С. Нестерова, находящаяся в
Третьяковской галерее в Москве.

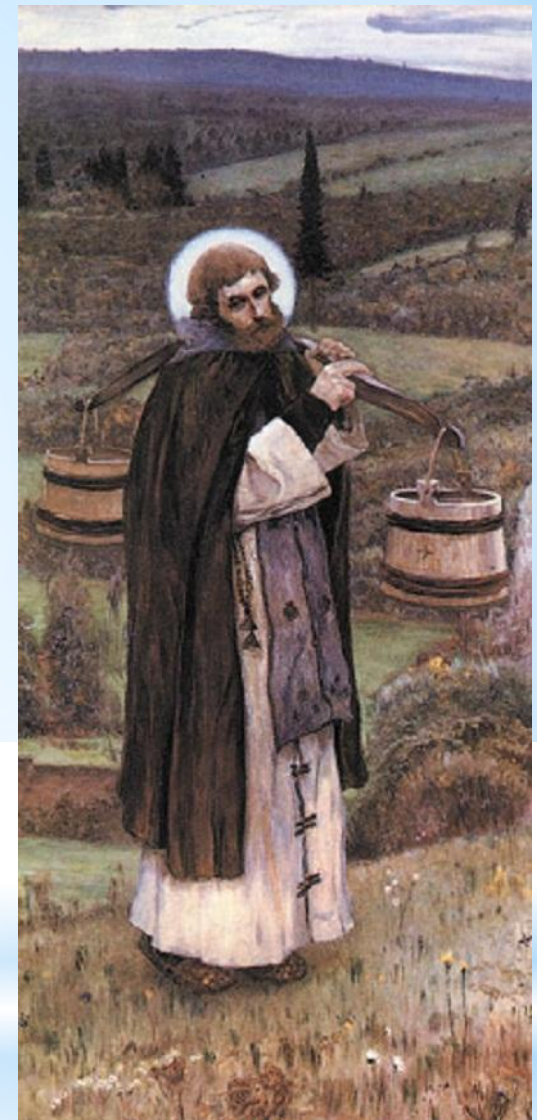
В тот же месяц много перемен случилось в семье
Иванчиных. Боярин Кирилл постригся с женою в Хотьковом
монастыре. Степан еще раньше ушел туда и постригся под
именем Стефана. Опустела тихая мирная усадьба.

Варфоломей, Петр с Катей и с маленькими племянниками
зажили в ней по-старому, часто навещая в обители престарелых
отца с матерью и брата Стефана. Снова плавным потоком по
спокойному руслу потекла повседневная, рабочая жизнь.

Двадцать лет стукнуло Варфоломею. Не муж он еще, юноша, так почему же при встрече с ним низко склоняются головы обительских старцев? Почему почтительно вскидывают на него глазами прославленные в подвигах благочестия преподобные отцы?

Чистым и прекрасным стало снова сияние глаз Варфоломея. Заговорил спокойно, но твердо.

Дал слово жить в миру до конца отца с матерью. Свершилось. Господь посетил их милостью своею. И решили мы с иноком-братом искать в лесных чащах молитвы, одиночества и труда.

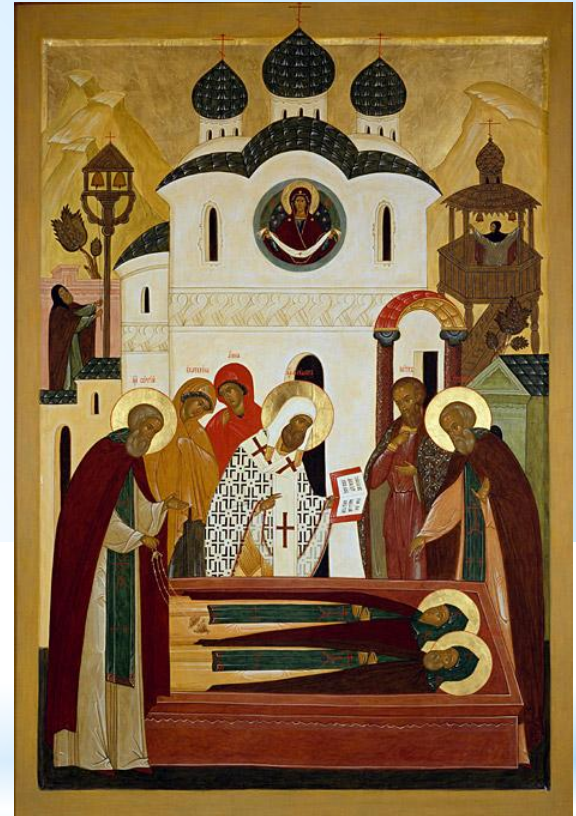

Нестеров М. В. "Труды **Сергия Радонежского** (триптих, левая сторона

СЛОВНО вихрь, кружится время.

Кирилл и Мария, смиренные старец и старица Хотькова монастыря, умерли скоро один за другим почти к ряду. Хоронили в один день обоих. Были мужем и женою в миру - братом и сестрою во Христе стали в обители.

Лежат оба с холодным поцелуем смерти на лицах, Божьи инок и инокиня.

— Братец, а в чье имя святое заложим мы храм Божий?

— Во имя Святой Троицы заложим, — говорит не Стефан будто, а кто-то живой и вещий из самых недр души Стефана.

— Нельзя иначе! Тогда, до рождения твоего, трижды слышался голос в церкви, во время литургии, и крестивший тебя священник пояснил родимым нашим, что будешь ты служителем Святой Троицы. Во имя ее и соорудим, братец любимый, наш убогий, маленький храм.

Здравствуй! Здравствуй, новая светлая, давно желанная жизнь!

Варфоломей и Стефан за постройкой пустыни.

Шалаш давно сменен крепкой
бревенчатой избушкой с очагом

Братья позаботились и об этом. С
зари до зари работают над
постройками. Церковь уже готова.

Священным пением, святыми
молитвами осенили дом Божий
среди заповедных Радонежских
дебрей.

Братья-подвижники у
митрополита московского.

Невмоготу мне, Варфушка, такая жизнь. Привык я к обители, тянет в монашескую келью. Душа просит служб церковных, песнопений и жаждет слушать литургию, вечерню.

Варфоломей, затаив дыхание, слушает брата.

— Господь с тобою, милый! Куда влечет сердце, туда и ступай...

Обнялись крепко. Поцеловались трижды. Потом смотрели в лица один другому. Хотелось запомнить, запечатлеть навсегда каждую черту.

- Прощай! Бог приведет, увидимся снова.

Опять обнялись, вышли на крыльцо и быстрым ходом
направились по лесу.

Варфоломей провожал брата.

Один...

Как странно и дивно катится время.

— Кто здесь? Отзовись во имя Господа! — кричит Варфоломей, приближаясь к избе.

Нет ответа.

Страшный, огромный бурый медведь на задних лапах стоял в трех шагах от Варфоломея.

В тот же миг страшный, потрясающий рев огласил поляну.

Медведь тяжело опустился на передние ноги. Чудовищный по размерам, когда стоял, стал не больше доброй упитанной коровы.

Теперь вплотную подполз к юноше. Обнюхивает его... и вдруг заскулил, застонал тихо, жалобно, как собака...

— Голоден! Голоден! Голоден! — говорит без слов этот стон.

Юность
преподобного
Сергия
Радонежского -
Нестеров Михаил

– Ешь, Мишенька, кушай, Божье творенье,
никто не обидит, — ласковым шепотом
подбодрял Варфоломей.

Ещё потом часто, часто приходил Мишка.
Когда находился хлеб в избушке, делился
по-братски им с Мишей Варфоломей;
когда не было, говорил жалостно:
— Нету, родимый! И рад бы, да нету!

Кроме бурого, Мишки бывали и другие гости. Приходили
умильные рыжие лисички.

Зайчата кувыркались. Проходил, тяжело ступая, степенный и
важный кабан

Были и еще гости. Самые частые, хоть и незваные — волки.

Он добился всего, чего жаждала душа с детства, он добился большего, нежели желал. Он один здесь в глуши, как свеча, горит перед Богом.

Он один здесь, молится за всех, за весь мир, за себя, прося отпустить им и себе грехи, заблуждения, обиды...

В лесной усадьбке праздник. Ничего подобного не видали еще лесные звери. Тихо жил один человек в лесу, работал в поле, за тыном, у избы, у церковки. А нынче не слышно ударов топора дома и в чаще. Куда-то уходил надолго.

Вернулся не один. Седой, как лунь, монах шел сзади. Вошли вместе в усадьбу.

Вышел из избы старец и пошел в церковь. Там всю ночь молились оба. Молились горячо и пламенно до рассвета.

Пострижение

На литургии приобщал Святым Тайнам молодого Варфоломея старец. Семь дней оставался Митрофан в бедной лесной усадьбке и ежедневно совершал службу в храме, приобщая юношу, не выходявшего оттуда всю эту седмицу и питавшегося одною в воде размоченною просфорою.

На восьмой день Варфоломей, принявший при пострижении имя Сергия, провожал старца снова в его обитель.

Прощание Сергия с Митрофаном.

Проводил до Хотькова, вернулся и зажил снова, зажил прежней отшельнической, рабочей жизнью, еще строже соблюдая молитвы и посты, еще сильнее трудясь в усадьбе и в поле.

Его желание исполнилось. Свершилась давнишняя греза. Господь приблизил его к Себе и дал ему возможность надеть темный смиренный клобук инок.

Сергий молится. Молодо и пламенно горит душа. Со словами Царя Псалмопевца Давида сливается она в общем хвалении. Но где-то внутри, в глубине сердца, невидимо, чуть ощутимо зарождается странный непонятный страх. Какое-то не то предчувствие недоброго, не то боязнь. Что-то, мнится юноше, должно случиться, и непременно случится страшное и роковое в эту ненастную, зимнюю, ползучую, как черный гад, январскую ночь.

– Что со мною? Один провел два года с половиной в дикой чаще, в пустыне, никогда не страшился, а тут...

С ужасным шумом надвое распалась стена церкви...

Их было много, целый полк, целое скопище... Кафтаны литовского покроя на плечах.

Явление Сергию мнимых литовцев.

Слушай, уходи отселе! Коли не уйдешь отсюда, разорвем тебя на много частей!

Точно что толкнуло Сергия к земле. Он упал на колени, поднял к небу смятенный взор и вскрикнул, исполненный отчаяния, страха и глубокой веры: — Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежат от Лица Его вси ненавидящие Его!

И сразу все стихло, смолкло... В одно мгновение ока исчезли страшные гости. Прежняя тишина воцарилась в храме. Как и прежде стояла неподвижно церковная стена, будто и не было в ней бреши, пропустившей «тех». Ни тени напоминания о них.

Новый стук в дверь избушки. Стоят четыре странника с посохами в руках.

Дозволь поселиться рядом с тобою, построить келии, молиться в твоём храме Святой Троицы, поститься и отшельничать подле тебя. Дозволь, инок Божий!

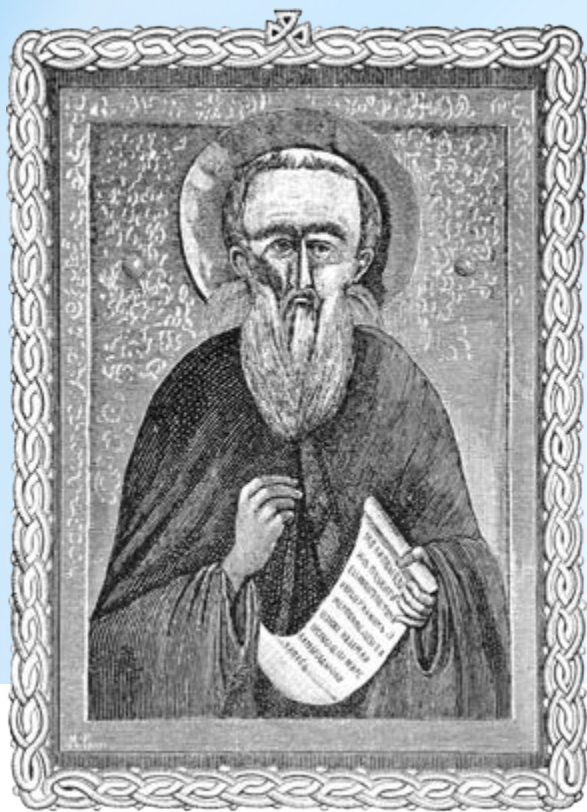

Явление Сергию мнимых литовцев.

С тех пор началась новая жизнь в лесной усадьбе. За первыми братьями пришли другие. Одиночеству Сергия пришел конец. Но юноша не скорбел об этом. Увеличилась братия. Ожила с нею пустынь, умножились и его, Сергиевы, труды.

Сергий колет дрова и готовит
пищу.

Изображение иконы Преподобного Сергия, написанной, как говорит предание, в год обретения его святых мощей одним из учеников его и находящейся в церкви Новгородского Архиерейского дома.

Собственноручно он строил избы и дворы для новых пришельцев. Колол им дрова. Носил воду. Помогал и трудами, и добрым словом и служил примером выносливости, трудолюбия и подвига для них всех.

Прошло много лет. Четыре десятка лет, если не больше. Не узнать убогой маленькой церковки в лесной чаще. Не узнать и лесной усадьбы, выстроенной когда-то руками благочестивого юноши. Пришедшая в пустыню братия вместе с Сергием, избранным ими игуменом и главою их, позаботилась об улучшении Храма Божия во имя Святой Троицы.

Сергий за работою на братию мелет.

Сергий носит воду.

Сергий неустанно трудился для своих новых товарищей. Рубил деревья, тесал бревна, мастерил жилища. Вначале было не легко. Не хватало хлеба, не было припасов. Голодали сильно. Питались гнилыми корками, вместо свечей в храме жгли бересту... Но с годами улучшалась жизнь в пустыни.

С тех пор, как чувствует старец-игумен телесный недуг, день и ночь добровольно проводит у дверей его кельи по желанию брата Михея. Не долго осталось Сергию прожить среди своих друзей, отшельников. Чует вещее сердце — скоро, скоро...

Быстрым, сладким сном пронеслась его пустынная жизнь. Как наяву, снова проходят перед ним знакомые далекие картины сладкие мгновения, скорбные минуты, улыбки Божьего блага к нему, Сергию... Все переживается в далеких воспоминаниях странно и дивно, как сон...

Братия выбирает Сергия в игумены.

Новый ужас среди братии, новое испытание. Иссяк родник в лесу, откуда сам игумен, как скромный послушник, носит в обитель воду, одетый в рваную грубую рясу из старого холста. В летнюю знойную пору высох родник.

В обители мало хлеба.

Ропот пошел среди братии. — Жажда — худшая нужда, нежели голод — заставляет забыть себя, свою великую цель спасения, для чего привел сюда Господь.

...И еще воспоминания, и еще картины...

Стукнули в дверь. Вошел известный обители боярин, радонежский вотчинник. За десяток верст пришел он к игумену. Принес на руках больное дитя, мальчика сына, прелестного, юного, но хилого, как бледный чахлый цветок.

Помоги ему, помолись над ним, отче. Недужен крепко.

Дрожащими руками разворачивает теплые меховые одежды, укутывающие тщедушное тельце мальчика, и внезапно с воплем отчаяния и ужаса отскакивает от него.

- Дитя умерло! Мой сын - мертв! О, зачем, зачем я верил в тебя и принес его в твою обитель, Божий старец? Остается мне идти за гробом и схоронить мое дитя.

Исцеление Сергием замерзшего боярского сына.

И снова будто что толкнуло Сергия. Упал на колени. Распростерся на полу. Молил горячо, с пламенным желанием в душе:

— Исцели, воскреси, возврати, Господи!

Потом наложил руки на холодное мертвое личико ребенка, на не дышавшую больше похудалую грудь.

И чудо свершилось. Затрепетали длинные ресницы.

Недоумело раскрылись темные детские глазки.

С криком счастья бросился боярин к сыну. Ласкал, обнимал его и плакал, плакал. Потом до земли поклонился Сергию.

- Это ты воскресил его, знаю! Но скромный игумен отрекся, настаивая на своем: - Ребенок обмер только от стужи. - И просил не говорить иначе другим...

Исцеление Сергием бесноватого
больного.

...Потом еще плыли картины...

Исцелил бесноватого больного, страдающего много лет. И не он, а молитва, та великая молитва, которою он, как благоухающей священным ароматом цветов, смиренно и робко возносил Богу.

Беседа Сергия с вел. кн.
Дмитрием.

Была в то время страшная година на Руси. Хан татарский Мамай, со всеми своими ордами двинулся на русские владения.

Объявлен был поход, перед которым князь Дмитрий Иоаннович, получивший впоследствии прозвание Донского, поехал поклониться Троицким Святыням и испросить благословения у ее игумена Сергия, прославившегося в то время своими скромными подвигами далеко по всей Русской земле.

Он, как сейчас, помнит все это. Помнит звучные удары колокола на его Троицкой обительской церкви. Как сейчас видит подскакавший к их лесному монастырю отряд закованных в блестящие латы и кольчуги конников. Великий князь Дмитрий впереди всех... Смиренно спешил к воротам обители. Как простой воин, до земли склонился перед ним, Сергием. Просил помолиться за него, за всю Святую Русь.

Иноки на Куликовом поле.

– Победиши враги твоя!

Не он сказал, а кто-то иной произнес эти слова его устами.

И были они, как пророчество... Победил Мамай великий князь. На Куликовом поле разбил Дмитрий татарские орды Мамай.

Преподобный Сергей благословляет Дмитрия Донского на победу.
Картина академика А.

Крест, которым благословил преподобный Сергей князя Дмитрия Донского в поход против Мамая. Крест этот хранится в Церковно-Археологическом музее при Киевской

...И еще, еще другие картины.

Посольство от патриарха и грамота ему, смиренному пустынноику радонежских лесов. Вселенский патриарх, прослыша о нем, слал ему, Сергию, свое благословение и приказание основать настоящее общинное житие. Вспомнилась и его дружба с московским митрополитом, предложение ему, Сергию, стать Владыкою Московским, и отказ его, Сергия, от чина митрополита.

И еще ему вспомнилось основание новых обителей в Киржаче и на реке Дубенке, основание Стромьинского монастыря и других.

Плывут, плывут видения... Переживаются снова, воочию видятся старые картины...

Предсмертное причащение Преподобного Сергия.

Картина иконописца Троице-Сергиевской лавры, иеромонаха

Симеона, удостоенная почетного отзыва на Парижской

всемирной выставке.

До утра еще не скоро. Еще далеко не кончена ночная, не слышная, как тайна, песнь. Достаточно времени до утра помолиться. Есть о чем молиться Сергию. Точит его больная дума. Скоро конец, а как без него останется его братья. И перед иконой Богоматери падает на колени Сергей и поет акафист Божией Матери. Чистый, радостный голос выводит знакомые, прекрасные слова.

Сергий, трепещущий в сладком предчувствии неземного счастья, вышел в сени. Разбудил Михея, наскоро шепнул ему предупреждение не спать, бодрствовать, и сделал несколько шагов навстречу Тому, Кто шел.

Явление Богоматери св. Сергию.
Картина К. П. Брюллова.

Среди облака в золотом сверкании
алмазных солнечных игл — Она, Царица.

— Не бойся, избранник Мой, —
произнесли ее божественные губы. — Я
пришла к тебе, услышана твоя молитва.
Не скорби об обители твоей. Отныне
будет она иметь изобилие во всем, и после
твоей кончины Я неотступно буду
покрывать ее.

Легкий шорох, дуновение... И все
исчезло.

Лежал без чувств ученик Михей в углу, испуганный, потрясенный. Он видел свет и ничего более...

Сергий подошел к нему. Положил руки ему на плечи. Сказал:

- Встань, сын мой, не бойся. Царица была между нами. Успокоила меня, грешного. Обещала покров и защиту обители нашей. Теперь спокойно могу умереть...

Явление Богоматери св. Сергию.

Картина К. П. Брюллова.

Среди городов и селений, деревень и усадеб много сотен лет, в самом сердце России, высятся стены большого крепкого монастыря.

От Москвы Белокаменной она близко, эта Божия обитель, основанная когда-то юным отшельником Радонежских заповедных лесов. Обитель эта Троицко-Сергиевская Лавра, сыгравшая такую важную роль в истории нашей отчизны.

Проходили мимо нее, как бы Самим Богом отвлеченные от православной Святыни. Поляки осаждали ее безуспешно. Свои русские воры, приверженцы Самозванца, не могли ее взять. Здесь находили в свою очередь защиту и спасение и цари земли русской.

Троицкая лавра: общий вид с западной стороны.

Шли годы, десятки лет, столетия...

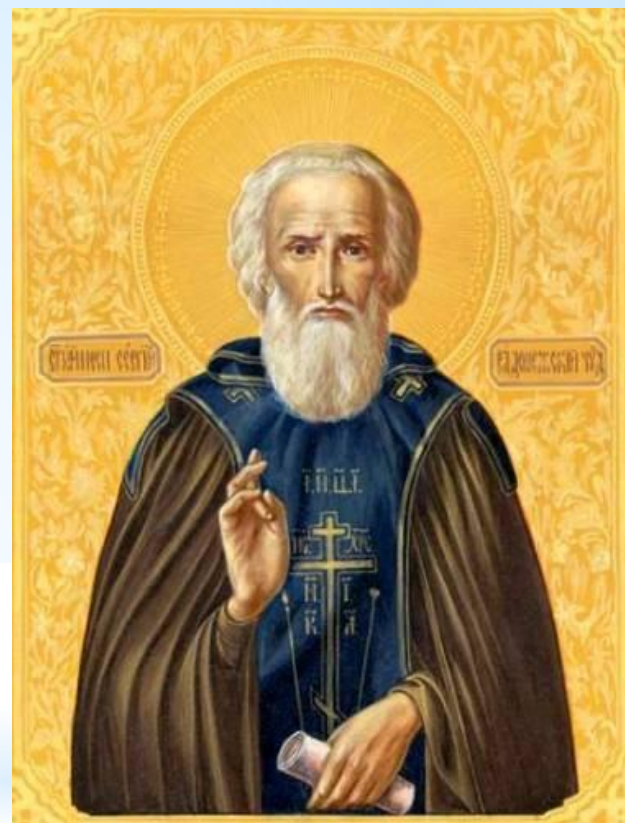
Лавра выросла, окрепла. Лавра стала одним из богатейших русских монастырей. Но выше всех ее сокровищ, выше золотой утвари и драгоценных икон считается священная рака с останками преподобного Сергия, ее основателя и первого работника этой святыни.

У раки преподобного Сергия Радонежского

Со всей великой и обширной Руси, тянутся сюда и здоровые, счастливые, богатые люди, и нищие, больные, искалеченные нуждою и жизнью, тянутся к святой раке, к Троицкой обители, неустанные во всякое время года паломники-богомолы. Всех их влечет сюда одна цель, одно желание: поклониться раке Преподобного, помолиться мощам Святого.

Им чудится: сам преподобный
внимательно выслушал их горячие
молитвы, сам смиренный работник
Великого Хозяина Земли, сам кроткий
тихий молитвенник за грешный мир и
великий подвижник благословил всех,
чаявших от него помощи и утешения. И с
радостным сердцем уходят паломники,
унося в своих воспоминаниях светлый
благоуханный цветок — повесть жизни и
подвигов Сергия Радонежского и тихое
безмолвное благословение этого чистого и
светлого, необыкновенного, святого
человека.

Вывод

В предлагаемой повести жизнь Сергия Радонежского рассказана на основании летописей и сказаний, которые в течение столетий переходили из поколения в поколение и удостоверены историей. Стараясь сохранить в самом рассказе колорит эпохи и имея в виду юных читателей и читательниц, автор стремился в то же время с внешней стороны дать своему произведению такую форму, которая могла бы не только в достаточной мере заинтересовать их, но и ввести в тот особый мир, где протекала вся подвижническая жизнь и деятельность этого поистине народного героя труда и веры.

Информационные ресурсы

<http://www.mtdesign.ru/wp-content/uploads/2013/01/%D0%9B%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C.jpg>

http://dl.biblion.realin.ru/text/35_Sibirskaya_Pravoslavnyaya_gazeta/Disk_staryi/Fotki/zastavki/vospitanie.jpg

http://www.modusvivendi.ru/user/images/1557/ad_5867_image.jpg

<http://f12.ifotki.info/org/10e4acabdb40e9006c586970f8b0d3dfbc5f6c141463201.jpg>

http://www.brooklyn-church.org/wp-content/uploads/2011/01/icon_kirill_i_mariya_640x936.jpg

http://img-fotki.yandex.ru/get/5101/nanoworld.1ec/0_40c56_ec6fdd3d_orig.jpg

<http://f-lite.ru/lfp/s014.radikal.ru/i328/1111/6d/4df65aa31b5f.jpg/htm>

<http://alchevskpravoslavniy.ru/wp-content/uploads/2011/03/18.jpg>